

Во мне

Пройдут черемуховые холода,
и подвенечных дерев гряда
без сожалений убор свой скинет.

Пусть все, что есть во мне, навсегда
пребудет здесь и вовек не сгинет.

Во мне плывущие облака,
круженье павшего лепестка,
биенье блика в речной волне,
сама медлительная река,
текущая, точно жизнь во мне.
Нет грани между «внутри» и «вне».

Во мне гремящие города,
впотьмах искрящие провода,
сады, притихшие до рассвета,
как мой слабеющий пульс – но это
во мне черемуховые холода.

В них люди бродят, раскрыв зонты,
поскольку небо моё клубится,
в нем изменяется всё так быстро.
Но капли, павшие на цветы,
да будут после сиять, как днесь.

Когда Господь мне оформит визу,
однажды этого не увижу.

Но это всё остаётся здесь,
как тучи, травы, холмы и рощи,
как выдох каждой случайной строчки,
в ночи, что за полночь бледновата,
едва луною украсит чернь.

Я только этим и был когда-то.
А больше, кажется, и ничем.

Трилитон

1

Мертвых не бывает.
Тлен, останки
не мертвы – они и есть земля.
И её волнующие тайны
не хранят ни ужаса, ни зла.
Мы былое вспоминаем реже,
чем пристало.
Но от старины
глубочайшей все, кто жили прежде,
в нашей же крови растворены.
Глянь до дна –
там обитаешь ты ли?
Ревом споря с буйною грозой
там клокочет древний гнев рептилий,
как хвощи подмявших Мезозой.
Расставаясь с берега опорой,
кань во тьму, в провалы вод скользя –
а оттуда рыбы кистеперой
светят запредельные глаза.
Как бы сроки память ни прошила,
перед нею Божий свет не весь,
но дышать в нем можно всем, что жило,
а не лишь глотком того, что есть.

2

Предки, ковыряясь в грунте скальном,
как велел им царь или Ваал,
по душам беседовали с камнем.
Камень их отлично понимал.
Зачарован речью человека,
как живой подрагивая весь,
двигался к террасам Баальбека,
забывая свой безумный вес.
Плотно так, что не просунуть спицу, –
будь он хоть базальт или гранит,
втискивался в стены Мачу-Пикчу,
полз вверх по граням пирамид.

Говорите –
небу, скалам, водам,
сквозь камланье лжи, раздоров, смут,
как родне,
а не вожди народам,
говорите с верой.
Вас поймут.

3

Допустим, ты не столь умен, как мнилось,
хотя местами и не лыком шит, –
наивность нам дарована как милость,
чтоб ужас пониманья приглушить.
Живите, всуе тайн не поминая.
Разгадка их как прежде не близка.
Так звери вверх глядят, не понимая,
что рушатся над ними небеса.

Селфи

Всякий балбес у нас исстари молодец.
Юные скалолазы и скалолазки
лезли и прежде на кручи с ведерком краски
мир замарать известью, что были здесь.
Мокрые осени смыли их письма.
Нынче – не то.
Мы сохранней в сети, чем в сейфе.
Я приобрел на сдачу палку для селфи.
Более свет не останется без меня.

Смертному слава желаннее бранных благ.
Как в инстаграмах кривляющиеся дебилы
крикну в колодец времени:
– Мы здесь были!
Господи, снизойди к нам. Поставь нам лайк.
Да, мы здесь были – и убыли.
Но ведь были,
пусть пред Тобою лишь ипостасью пыли –
помилосердствуй и не держи за чернь.
Вот я с женой.
Вот с дочерью.
Вот я соло.
Помельтешу на странице и сгину скоро.
Не задавай беспощадный вопрос – зачем.

Прячется солнце за выпуклым краем мира,
вечер венчая, как митрополита митра.
Вряд ли мы здесь уместны, пятная фон,
пляшущие на роскошь земли смартфон.

Это досадно, право.
Но как ни злитесь,
Лишь красота умеряет печаль и пыл.
Вдруг и Создателю нужен случайный зритель,
чтобы в пути отметить: «Я здесь был».

Поп

Я прежде мыслил жизнь как бой и пир
и как простор для счастья и несчастья.
Тогда я лучше был – и больше был.
А после постепенно уменьшался.
Но разве лёгкий лет полёт – недуг?
Года, возможно, всех к тому ведут,
жаль, много их растрчено на праздность.
Как вешний лед истаивает дух,
но с этим обретает и прозрачность,
хрустальность, подобающую льду.

Так что не пригибай себя к стыду –
расслабься, согреси, опять верши,
служеньем не насилуя природу.
Да впрямь ли свят, кто не отвлек души
ни на день наслаждениям в угоду –
как поп заштатный, служащий в глуши
лишь Богу, но не чину и доходу.

Вот он бредет в метели – старичок,
в заштопанной и молью битой рясе.
Беспомощный за ним влачится черт,
незрим обычно – с перепоею разве.
Нектар из брюквы гонят на селе.
Священник порицает эту шалость,
хоть и ему подносят... но сие
на небеси и ангелы вкушают.
Вдовец давно, он не торчит как перст
сам-друг с Христом в своем домишке старом,
спеша венчать, крестить, потом отпеть,
порой за харч, а чаще и задаром,
приговорен по тремам сквозь пургу
упрямо ковылять обочин возле.

Но тень его все тоньше на снегу,
бледнее всё... И вдруг растает вовсе.
А дел ещё – хоть век не умирай.
Да он и не умрет – погаснет просто,
как слабый свет впотьмах.
И целый край
впадет в тоску, в убожество, в сиротство.

Холода

Как домой возвращаюсь в свои холода,
где ночами уже стекленеет вода,
где снега вроде символа веры.

Горних айсбергов следом влачится гряда –
с их армадой вхожу, под брэнчание льда,
так бряцают ключами у двери
в темноте необъятных студёных сеней.

Пусть она открывается внутрь, а за ней
будет вечер – и в нем коченеет звезда
в тишине беспробудной, осенней.

Местный ворон уже не кричит «никогда!» –
это ясно и без пояснений.
«Никогда» именуются эти поля,
хоть и не вызревает на них конопля.
А за ними – зубчатого леса пила.

А за лесом вообще географии нет.
Там кривятся стези и кончается свет
и никто уже не говорит «далеко».

Там безумные стужи на пальцах окон
кущи роц неживых вышивают.
Там безумные люди живут испокон
в непостижной рассудку тоске ни по ком,
а постигшие – не выживают.

Мне пора возвращаться в свои холода.
После жизни, хоть снегом, хоть ветром,
я хотел бы опять возвратиться сюда.
Может быть, всё безумие в этом.